

Алексей Макушинский

Время повседневности и время событий

Выступление в фонде «Либеральная миссия», 20 августа 2022 года.

Есть фраза, которую приписывают Сергею Кирову, известному большевику, сподвижнику Сталина (объясняю для более молодых слушателей), убитому в декабре 1934 года. «В какое интересное время мы живем, товарищи!» Как говаривали старые ленинградцы, рассказывала мне моя бабушка, «пожить бы в неинтересное».

После убийства Кирова начался, как мы знаем, Большой Террор. И анекдоты тоже изменились. Вот шутка тех лет: Как живете? – Как в автобусе. Трясемся.

Время событий – интересное время, когда люди трясутся, как в автобусе, и держат у себя под кроватью заранее собранный чемодан, на случай ареста. Мы, конечно, не трясемся, особенно если нам повезло оказаться в свободном мире, но и мы вступили в эпоху турбулентности, говоря современным языком, нас тоже бросает во все стороны, и мы не можем удержать равновесие.

«В какое интересное время мы живем!» говорил товарищ Киров. Или, как, по сути дела отвечая ему, говаривал геноссе Геббельс, «мы имеем честь жить в беспрецедентное время». «Это время, когда в Германии историю не только преподают, но когда ее делают». И дальше в той же речи, цитаты из которой я выписал: «Лишь редко склоняется *богиня истории* к людям и народам и касается земли краем своего покрывала» Боже, как поэтично. Сдохнуть можно.

Мы делаем историю и создаем новый мир – вот, может быть, главное в миро- и самоощущении приверженцев тоталитарных режимов 20 века. Мы, люди новой эпохи, уж точно живем не в обывательском, преодоленном и уничтоженном нами времени повседневности, но во времени великих событий, всемирно-исторических событий, вселенских событий, океанских событий. Мы на горе всем буржуем мировой пожар раздуем и так далее.

Мы видим в тоталитарных режимах своего рода обожествление времени, обожествление истории. История является в них той высшей инстанцией, требования

которой должны быть выполнены, чего бы это ни стоило, перед которой деятели этих режимов и оправдывают свои поступки, которой они пред-стоят как своего рода божеству. Не случайно – один пример из бесчисленных – Гитлер после присоединения Австрии, с балкона в Вене обращаясь к стотысячной толпе, рапортует *перед историей* о достигнутом („Als der Führer und Kanzler der deutschen Nation melde ich vor der Geschichte nunmehr den Eintritt meiner Heimat in das Deutsche Reich“). История – богиня, она же «мать-история». «Ленин и партия – близнецы-братья. Кто более матери-истории ценен?» как писал Маяковский – если угодно, один из самых *тоталитарных* поэтов двадцатого века.

Эта история совершается на наших глазах, вот она, ее можно потрогать руками. Я думаю, что это было основное чувство эпохи, чувство, захватившее гораздо более широкие круги, не только представителей собственно тоталитарных идеологий. Даже у людей, бесконечно далеких от тоталитарного обожествления времени, сохранялось, кажется, это чувство значительности, и потому, пусть до некоторой степени, осмысленности событий, свидетелями которых им выпало на долю сделаться. Чему, чему свидетели мы были! Блажен, кто посетил сей мир... и так далее; банальные цитаты, но все это ведь тоже прообразы и предвестия «интересного времени», времени великих событий, обрекающих зрителей «высоких зрелищ», устраиваемых богами, по Тютчеву, на автобусную тряску и самолетную турбулентность.

Можно предположить, что фраза Ахматовой из предисловия к позднему изданию ее стихов – «я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных» – сказана в угоду Главлиту. Но никак не подумаешь этого, перечитывая великие «Северные элегии», где описание эпохи ее родителей заканчивается, к примеру, словами:

Так вот когда мы вздумали родиться
И, безошибочно отмерив время,
Чтоб ничего не пропустить из зрелищ,
Невиданных, простились с небытьем.

И если многие из нас сейчас испытывают чувства, похожие на те, что переданы в начале Пятой элегии, то вряд ли кто-то подпишется под ее внезапным финалом.

Вы помните:

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула,
Мне подменили жизнь. В другое русло
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов...

Это чувство подменной жизни было у меня, по крайней мере, чуть не основным ощущением первых недель и даже первых месяцев после 24 февраля, пока мне не удалось хоть как-то оправиться от шока.

Но вот финал Элегии; кто согласится с ним?

Но если бы откуда-то взглянула
Я на свою теперешнюю жизнь,
Узнала бы я зависть, наконец...

Как-то даже не очень этому верится. Какая зависть? Конечно, здесь звучит возвышенный, если угодно религиозный мотив приятия жизни, большого метафизического «да» бытию, но, как мне кажется, здесь есть и некое согласие с историей, именно потому, что она предлагает «невиданные зрелища», «высокие зрелища», как сказано у Тютчева, и эти зрелища не просто высокие и невиданные, но в них угадывается, прозревается, некий смысл – смысл, конечно, не совпадающий с марксистским или гегелевским, скорее, заставляющий задуматься о Провидении, к которому, впрочем, восходит и гегелевско-марксистское представление об осмысленной истории.

Все это для нас кончено, кто бы ни были эти *мы*. Мы утратили веру в Большой Смысл Истории, в Великий Нарратив Времени. Богиня истории умерла. Можно спорить о том, когда это случилось. Возможно, она умерла со скуки в долгие, тягучие годы так называемого застоя, под густой сенью брежневских бровей. Или она умерла в 1989 году, свалившись с Берлинской стены. Или в 1991-ом, простудившись под незабвенным дождичком на баррикадах вокруг Белого дома. В этом, именно в этом смысле, можно было говорить о «конце истории». История, разумеется, не закончилась ни в 89-ом, ни в 91-ом, но История с большой буквы, история-смыслополагательница и смыслоподательница, действительно, завершилась. Наступило, нам на радость, пост-тоталитарное, если угодно – «неинтересное» время, время повседневности, в котором каждый человек был волен сам строить свою жизнь и сам создавать свои смыслы.

24 февраля окончательно выяснилось, что эта «ситуация постмодерна», эта частная жизнь в отсутствии Большого Нарратива устраивает далеко не всех, точно не устраивает власть предержащих. Конечно, мы всегда знали, что в мире полно людей, готовых убивать за идеи и развязывать войны ради обретения смысла истории. А люди ведь и убивают прежде всего за идеи. Материальные интересы, профит и выгода, играют при этом, как и при всем остальном, свою роковую роль, но больше всего крови проливается во имя светлого коммунистического будущего, тысячелетнего рейха, всемирного халифата или воссоздания

траченной молью империи в постимперском мире. Но все же долго, слишком долго казалось, что это происходит где-то там, в афганских горах и аравийских пустынях. Оказалось, что это вполне может происходить сейчас и здесь, рядом с нами. Вот почему недавнее нападение на Салмана Рушди, несопоставимое, разумеется, с трагедией Украины, все-таки рифмуется с ней. Все уже и думать забыли о какой-то там «фетве». Мы присутствуем при возврате того, что казалось если не преодоленным, то отошедшим на второй план. Увы, оно снова выходит на первый, а что еще не вышло, то выйдет. И так называемый «исламизм» еще вернется, не сомневайтесь. Чума не исчезает насовсем, как рассказал нам Альбер Камю, рано или поздно она опять выползает на свет.

«Ситуация постмодерна» не устраивает власть предержавших и часть одураченного их телевизионной пропагандой населения, но они все же сами в ней находятся и потому преодолевают постмодернизм постмодернистскими методами. Как Петр Первый боролся с варварством методами варварскими (брея бороды... и так далее), как Хрущев преодолевал сталинизм по-сталински (особенно поначалу: объявляя Берия английским шпионом и так, опять же, далее). То есть мы присутствуем при совершенно гротескной попытке возродить Большой Нарратив методами самого постмодерна. Вновь вспоминаются старые анекдоты. Советские часы самые быстроходные в мире. Советский паралич самый прогрессивный в мире. Так и русский постмодернизм самый в мире постмодернистский, самый постмордатый из всех постмордатостей. И вот мы видим как символы российской империи соседствуют с советскими, портреты Николая Второго – с портретами Сталина, священники благословляют воскрешенных пионеров. Anything goes... to hell. Все дружными рядами идут прямо в ад. Мир сошел с ума. Да, история повторяется как фарс, но это кровавый фарс, дьяволов водевиль, по незабвенной формуле Достоевского.

Мы были совершенно не готовы к этому водевилю. Постмодернистская попытка преодолеть ситуацию постмодерна и возродить Смысл (с большой буквы) Истории (с буквы большущей) застала нас врасплох именно потому, что мы во все это давно уже больше не верим. Мы к этому еще меньше готовы, наверное, чем люди Серебряного века с их верой, или с их остатками веры, в Смысл и Провидение. Мы воспринимаем происходящее как нагромождение бессмысленных жестокостей, как преступление одного человека, с группой сообщников, при молчаливой, или не совсем молчаливой поддержке какой-то части так называемого населения. Не думаю, кстати, что уровень этой поддержки так уж высок. Давно подмечено, что «русский человек» (понимаю, что никакого «русского человека вообще» или «российского человека вообще» не существует, но скажем так для краткости, не слушая

нареканий политкорректности) прежде всего хочет от государства, чтобы оно само ничего не хотело от него, то есть чтобы оно от него отвязалось и не лезло в его дела. А надо прокричать «Россия встает с колен» и так далее, так прокричим и разойдемся. А завтра надо будет снова, как тридцать лет тому назад, прокричать что-нибудь насчет «общего европейского дома» и «общечеловеческих ценностей», так прокричим и это, лишь бы от нас отстали. Этим не все объясняется, но трудно не заметить этого, в сущности, инфантильного отношения к политике, которое невольно заставляет вспомнить какие-то idiotские эпизоды ненавистного школьного детства. Ну вот какая-то, прости господи, политинформация, и надо что-то на ней сказать, черт возьми, про очередные исторические решения сто двадцать пятого съезда КПСС, про личные заслуги Леонида Ильича в деле осуждения израильской военщины, и ты отлично знаешь, что все это вранье и мутная чепуха, но за окном солнце светит, тополя качаются на ветру, более удачливые одноклассники ждут тебя, чтобы вместе в футбол гонять, и вот говоришь это, понимая, что врешь, лишь бы все эти дядьки и тетki, во главе с завучем, наконец, от тебя отвязались. Плюнь да поцелуй злодею ручку. Эта инфантильность порождена отсутствием реальных политических институтов. А откуда взяться реальным политическим институтам при такой инфантильности населения? И как выйти из этого порочного круга? Так в Совдепии на работу не брали без прописки, а прописку не давали без работы. Вот и выкручивайся. Я не знаю, как выкрутиться.

Исчезновение трансцендентного Смысла Истории (с больших букв) – смысла, выводящего за пределы самой истории, в царство божие, коммунистический рай, третий рейх, – это исчезновение вовсе не означает, что у тех или иных событий (например – вот у этих ужасных событий, теперь переживаемых нами) вообще нет никакого смысла (с маленькой буквы). Некий смысл, то есть некое направление, некая логика развития, у событий есть всегда, другое дело, что современникам свойственно заблуждаться в их анализе и оценке. А как не заблуждаться, если мы не знаем, чем эти события закончатся и к чему они приведут. Современникам (не всем, но многим) Февральская революция казалась прекрасной и бескровной, а оказалась она всего лишь прологом к Октябрьскому перевороту и установлению одного из самых беспощадных диктаторских режимов в мировой, как говорится, истории. Это не значит, что современники были так уж слепы. Мы никогда не узнаем, как могли повернуться события, но они повернулись именно так, как повернулись, и теперь уже этого не изменишь. Можно долго спорить о том, могли ли они повернуться иначе, и если могли, то почему этого не случилось. Это споры всегда увлекательные и всегда, в общем, бесплодные, даже бесплотные. Плоть истории – свершившийся факт. То есть смысл

событий всегда определяется задним числом. Посмотрим, чем это закончится, тогда и поймем, что это значило. Было ли это окончательным крушением империи (как нам хотелось бы думать; так путч 91 года, попытавшись восстановить СССР, его разрушил), или установлением долго-играющего, долго-загнивающего режима на манер северокорейского (как нам очень не хочется думать) – увидим. Пока не видно. Кто-то из тех, кто предсказывает то или иное развитие событий, окажется прав; какая-то карта всегда выигрывает; какая-то лошадь всегда приходит первой. Но я воздержусь от участия в этой игре.

Зато скажу одну вещь, которая многих, наверное, шокирует. В этом ощущении брутальной бессмысленности происходящего есть и кое-что позитивное, полезное для души и ума. Крушение иллюзий всегда благотворно. Иллюзией было представление о том, что исторические события в очередной раз не пожрут повседневность, как тощие коровы в Библии пожрали тучных коров, то есть что можно жить и строить свою жизнь на отмели времени. Волны этого самого времени рано или поздно захлестнут любую отмель, и надо быть готовым к этому. Беда лишь в том, что к этому нельзя подготовиться. По крайней мере, я не знаю, как к этому подготовиться. Невозможно представить себе, что бомбы начнут падать прямо на тебя или рядом с тобой, и невозможно представить себя – себя среди этих бомб, под этими бомбами. Мы боимся реальности, мы почти никогда не в силах посмотреть ей в лицо, заглянуть ей в глаза. Мы живем иллюзиями, мечтами и фикциями. Человеку свойственна *смертельная жажда фикций*, как говорил (когда-то любимый мною) Эмиль Чоран (*soif mortelle des fictions*). Фикцией (прекрасной и соблазнительной, что уж греха таить) была и остается возможность жить на отмели времени, строить свою частную жизнь; фикцией кажется мне и «прекрасная Россия будущего», о которой иногда приходится слышать (теперь, по понятным причинам, все реже). «Прекрасная Россия будущего» столь же утопична, как светлое будущее и сияющие (зияющие) высоты коммунизма, как и распространенное в перестройку (если вы помните) представление о том, что «Россия должна стать нормальной страной». Эта «нормальная страна» – чистый миф, разделяющий с другими мифами одно основополагающее свойство: никто не знает, что это такое. Опишите Олимп, нарисуйте карту Валгаллы...

Россия никогда не будет «нормальной страной» (как не будет ни «страной блаженных», ни «Эдемским садом»), но она была и снова может быть *более нормальной страной*. Если бы Россия стала *чуть более нормальной страной*, это было бы уже огромным достижением. Не сомневаюсь, что так и случится, – после того, как сойдут со сцены ее нынешние правители. Нормализация России, ее возвращение в какие-то (хоть какие-то)

«цивилизационные рамки», к каким-то (хоть каким-то) правилам игры, принятым в цивилизованном мире, – это и будет, я полагаю, основной задачей, решать которую предстоит политикам и общественным деятелям, имен которых мы, возможно, еще не знаем. Для этого нужно, среди прочего, если не в первую очередь, преодоление той инфантильности, о которой я говорил выше. Нужна деинфантилизация России, взросление России, а следовательно, ее де-архаизация. Постмодернистская пародия на тоталитарный режим, совершенно так же, как это делали настоящие тоталитарные режимы 20 века, если угодно – режимы эпохи модерна, апеллирует (и это уже не раз подмечено) к глубинным, архаическим, родо-племенным пластам коллективного сознания и коллективного бессознательного, к системе мышления в терминах «мы – они», наше племя против их племени, к магическому мышлению, полагающемуся, в частности, на руны и знаки (вроде пресловутого Z). Это мышление (или это недомыслие) беспощадно, лишено эмпатии. Враг – не человек, его не зазорно пытаться и убивать. Это первобытное начало живет, конечно, во всяком человеке и всяком народе (прошу прощения за эти трюизмы); иногда оно вылезает наружу.

Взросление, цивилизация, преодоление архаики невозможно, конечно, без преодоления имперских традиций, имперского наследия, о котором так много сейчас говорят (и хорошо, что говорят, правильно делают). Имперские традиции, конечно, есть; и чем скорее, чем полнее они будут осознаны, тем больше шансов на исцеление. Впрочем, проблема глубже и шире. Имперское мышление неотделимо от мышления иерархического, мышления канонами. Оно само по себе архаично, поэтому в нем всегда присутствует категория сакрального. Не трогайте Пушкина, это наше святое, наше все. А можно любить Пушкина, не превращая его в истукана? Можно, но имперцы не умеют. Подозреваю, что они его и не любят. А Пастернака? Пастернак – часть интеллигентского канона, интеллигентской иерархии. Попробуй скажи о нем что-нибудь хотя бы не восторженное, на тебя сразу набросятся. Нужна деиерархизация и десакрализация русской культуры. «Не прикасайтесь к идолам – позолота остается на пальцах», говорил Флобер. Наоборот, прикасайтесь к ним как можно чаще, чтобы вся позолота с них слезла и они перестали быть идолами. За саму культуру при этом беспокоиться не стоит – она и не такое переживала. Да и нет никакой культуры в том патетическом смысле, в каком употребляют это слово охранители разнообразных святынь. Есть варварское представление о культуре как об «отдельном блюде, которое стоит в меню и которое можно заказать целиком», по незабываемой формуле Филипа Ларкина, одного из моих любимых поэтов. Сама идея культуры как чего-то отдельного от всей остальной жизни, чего-то такого, что можно использовать для своих целей, например,

для пропаганды, но без чего при случае можно и обойтись, – сама эта идея, повторюсь, есть идея глубоко варварская и дикая. Так попавший в Афины скиф мог бы смотреть на Парфенон, раздумывая, не завести ли ему и у себя, в своем царстве, какую-нибудь культуру, для воспитания и удержания в узде буйных подданных «с раскосыми и жадными глазами». Как правило, о культуре на словах больше всех радеют те, кто на деле уничтожает ее.

Так что за так называемую культуру (само это слово звучит нестерпимой пошлостью) я бы не волновался, ничего с ней не случится, а вот что касается преодоления имперскости, вкупе со всей прочей архаикой, то оно может получиться, только если затронет то, что некогда называли «широкими народными массами». Дело не в том, что сколько-то тысяч интеллигентов, разбросанных по всему миру, поговорят о Пушкине или о Бродском – собственно, речь и идет ведь о двух позорных стихотворениях, ну можно еще найти парочку, – а дело в том, чтобы, например, школы и другие учебные заведения избавились от казенного патриотизма, поклонения силе, ностальгии по могуществу и величию. То есть нужно реальное политическое воспитание масс. Демократия – это педагогический проект. Не люблю сравнений с Германией – это совсем другая страна и другая история, уж я-то знаю, – но нужны и в самом деле «центры политического образования», созданные в Германии в пятидесятых и существующие в каждой отдельно взятой федеральной земле и во всей Федеративной республике целиком.

Возможно ли это в России? Или, спросим иначе, возможно ли хоть что-то из этого, пока Россия остается в железных объятиях Московии – государства-монстра, возрождающегося под новыми и новыми масками. В самом начале марта я написал резкий текст, где цитировал Георгия Федотова (возможно, впрочем, что сам Федотов цитировал Николая Трубецкого, известного евразийца), говорившего, что монголо-татарское иго закончилось перенесением ханской ставки в Москву. С тех пор она там и находится. Она называет себя то великим княжеством, то царством, то империей, то Совдепией, то Эрэфией, но суть и задачи ее – расширение империи и закрепощение собственного населения, «собрание русских земель» – не меняются. На самом деле, это собрание и русских, и нерусских, и каких угодно земель под властью Московии, государства-монстра. Поэтому старый польский лозунг, когда-то повторенный Александром Герценом, остается в силе: «За нашу и вашу свободу!»

Россия не Московия, но она и не противоположность Московии. Их нельзя приравнивать друг к другу, но невозможно, увы, и просто противопоставить друг другу (повторю несколько мыслей той мартовской статьи). Томас Манн говорил во время Второй

мировой войны, что нет, к несчастью, «плохой» и «хорошей» Германии; есть только одна Германия с ее трагической судьбой и виной. Есть лишь одна Россия с ее очень разными лицами, разными «ликаами». Есть прекрасные лики России; сейчас, увы, речь не о них. Московия – ее самый страшный, самый зловещий лик, и я не уверен, что ей удастся от него когда-нибудь освободиться. Московия, конечно, старается убедить и мир, и себя, что она-то и есть Россия, что другой России нет, не будет, не может быть. Это неправда. Другая Россия была, есть и будет. Вся надежда России как раз в том и состоит, что она никогда не сдавалась без боя, никогда не позволяла Московии поработить и поглотить себя без остатка.

Может быть, следует если не стремиться к полному освобождению от московских политических традиций, к возвращению в до-московский период русской истории, к изменению самой географии русской государственности, то надеяться на это? Об этом с тех пор заговорили многие. Не знаю, можно ли этого желать. Это может быть связано с такими и столь кровавыми потрясениями, которые мы сейчас даже не представляем себе. А с другой стороны, повторю свой вопрос, возможно ли освобождение России от имперской архаики, ее гуманизация, преодоление ее внутреннего варварства, теперь так страшно, в очередной раз, обратившегося вовне, – возможно ли все это без преодоления ордынской государственности?

Что-то из перечисленного может получиться, а может и не получиться. Надо, говорю я сам себе, быть готовым к тому, что не получится. История абсурдна, жизнь, по моему глубокому убеждению, не столько бессмысленна, сколько вне-смысленна, то есть вообще не имеет отношения к нашим человеческим смысло- и целеполаганиям. Абсурд может быть смягчен, когда люди совместно против него борются, писал Камю как раз во время работы над «Чумой». Не побежден, заметим, но только смягчен. Победить бессмысленность бытия (вне-смысленность бытия) невозможно. Но возможно противопоставить ему как частное, так и совместное усилие по созданию смыслов. Человек есть создатель смыслов в равнодушном ко всем его смыслам мире. Трагедия в том, что смыслы могут быть разные. Я знал и знаю немало людей, видевших смысл своего существования в помощи другим людям. Один неудавшийся художник видел смысл своего в уничтожении евреев и расширении немецкого «жизненного пространства». Результаты известны. Так усилия по созданию смыслов (с маленькой) и тем более Смысла (с большой буквы) с роковой периодичностью возвращают мир ко все той же бессмысленности, все тому же абсурду. И дьяволов водевилей начинается снова. Время событий не прекращается никогда. Карусель крутится, вместе с самим земным шаром. А другого шарика, закончу еще одной старой шуткой, у меня для вас нет.